

Две столицы в русской литературе

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_331

傅星寰. 俄罗斯文学《莫斯科文本》与《彼得堡文本》

研究. 北京: 北京大学出版社, 2023. 400 页.

Фу Синхуань. Исследование «московского текста» и «петербургского текста» в русской литературе.

Пекин: Изд. Пекинского ун-та, 2023. — 400 с.

Фу Синхуань полагает, что Россия, находясь на пути модернизации, балансирует между Востоком и Западом, и Москва с Петербургом являются отражением выбора этого пути в различные исторические эпохи. Москва имеет древнюю историю, она была инициатором перехода русских княжеств от феодальной раздробленности к централизованному государству; Петербург же стал «окном в Европу» и положил начало модернизации России. Однако эти два города меняли свои роли в российской истории, в разные исторические периоды их культурные образы и символическое значение претерпевали изменения, в то же время всегда сохранялись их противоположность и взаимодополнение.

Существует немало исследований зарубежных славистов (Маршалла Бермана, Чжан Бина, Чжан Цзяньхуа и др.), посвященных историческим и культурным различиям между Москвой и Петербургом, а также освещению исторических путей России, вопросам ее идентичности, которые неизменно встают в связи с этими двумя городами. Русская литература часто обращается к теме Москвы и Петербурга, отражая вопросы поиска путей национального развития. Интересно отметить, что исследования в этой области прошли путь от петербургской и московской тем к соответствующим «текстам», однако до сих пор отсутствуют работы, рассматривающие эти два «текста» в соположении друг с другом — как систему «сверхтекста»¹. Рассматривая московский и петербургский «тексты» как систему «сверхтекста», Фу Синхуань заполняет пробелы, существующие в предыдущих работах. Автор анализирует внутреннюю структуру московского и петербургского «текстов», интерпретирует их генезис и развитие, исследует особенности системы персонажей, а также уделяет внимание проблеме модерности. В данном отношении работа задает масштабную и системную теоретическую перспективу изучения истории русской литературы.

Первая глава посвящена рассмотрению «петербургского текста» русской литературы — его формированию и развитию, системе его кодов. По мнению Фу Синхуань, начальный этап становления «петербургского текста» охватывает период с 1820–1830-х гг. до 1920-х гг. Его возникновение можно проследить в ряде произведений А.С. Пушкина, действие которых происходит в Петербурге, — таких, как «Домик в Коломне» (1830), «Медный всадник» (1833) и «Пиковая дама» (1834). Они стали основой петербургской мифологии, открыв, в частности, тему противостояния «маленького человека» и властителя и сформировав пространственные координаты города, например противопоставление Невского проспекта и Василь-

1 Фу Синхуань ссылается на концепцию сверхтекста, предложенную Н.Е. Меднис: «Сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. С. 21).

евского острова. Укрепили позиции «петербургского текста» «Петербургские повести» (1835–1842) Н.В. Гоголя. Мелкий чиновник в «Шинели» стал типичным представителем «маленького человека» в «петербургском тексте». Ф.М. Достоевский («Двойник» (1846), «Преступление и наказание» (1866) и др.) углубил тематику «петербургского текста», изображая страдания низших городских слоев и исследуя феномен психического раздвоения.

Второй этап эволюции «петербургского текста», по мнению Фу Синхуань, охватывает период с 1940-х до конца 1980-х гг. На данной стадии он трансформируется в «ленинградский текст» (этап второй половины 1920-х — 1930-х гг. автор считает стадией его «предтекста»), особенно в годы Великой Отечественной войны, когда блокада Ленинграда породила новый городской миф. Поэзия таких авторов, как О.Ф. Берггольц и Н.В. Крандиевская-Толстая, отразила героизм и страдания жителей Ленинграда. В то же время «ленинградский текст» продолжал традиции «петербургского текста», особенно через обращение к имени Пушкина, ставшего символом духовного спасения в суровых реалиях советской действительности.

Третий этап развития «петербургского текста», по Фу Синхуань, начинается с 1991 г., когда Ленинград был переименован в Санкт-Петербург. Город на Неве, постепенно утратив роль «окна в Европу», продолжал оставаться центром духовной и культурной жизни России. Такие писатели, как Н.В. Галкина в «Архипелаге Святого Петра» (1999) и М.Н. Кураев в «Зеркале Монтачки» (1993), рассматривают Петербург как воплощение культурного духа России, подчеркивая его историческую роль как имперского города.

Во второй половине главы «петербургский текст» рассматривается как своеобразная символическая структура. Впервые такой метод исследования городского «текста» предложил Н.П. Анциферов в работе «Душа Петербурга» (1922), исследуя «душу» города и его «историческую индивидуальность». Развили семиотическое исследование «петербургского текста» Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и другие представители московско-тартуской школы, полагая, что его основное содержание составляют различные символическо-мифологические коды. Среди центральных мифов о Петербурге такие апокалиптические мифы, как «город на болоте» и «подводный город». Они отражают хрупкость Петербурга как искусственного города и его будущую судьбу — быть разрушенным. Интересно, что если В.Н. Топоров отмечал в «петербургском тексте» мотивы «города девы» и «города блудницы», то Фу Синхуань видит в Петербурге, прежде всего, «город-блудницу»; в этой мифологеме отражена двоякость падения и искупления.

Петербургское пространство обладает чертами абсурдности. Эта абсурдность выражается в противоречии между иллюзиями и реальностью, в своеобразной призрачности города (примеры — «Уединенный домик на Васильевском» В.П. Титова, «Шинель» Гоголя). Запутанность, своеобразная «лабиринтность» Петербурга проявляется в противостоянии между прямыми и извилистыми улицами, открытым и закрытым пространством. Так, в «Преступлении и наказании» Родион Раскольников блуждает по улицам Петербурга, что символизирует лабиринт не только топографический, но и духовный.

В целом, по мнению Фу Синхуань, кодовая система «петербургского текста» обладает неким механизмом динамического баланса, который как открывает петербургский хронотоп другим городам (например, интертекстуальные переключки с «московским текстом»), так и сохраняет внутреннюю стабильность своей структуры.

Вторая глава посвящена анализу «московского текста». Многие представители российской академической среды оспаривают существование «московского текста»: к примеру, В.Н. Топоров и Н.Е. Меднис утверждали, что «московский текст» не обладает системностью и независимостью. Однако другие исследователи, опираясь,

в частности, на сборник статей «Москва и “московский текст” русской культуры»², полагают, что этот «текст» имеет уникальное культурное содержание.

Фу Синхуань намечает в эволюции «московского текста» четыре этапа. Первый этап довольно длителен и охватывает XVIII–XIX вв. По мнению Фу Синхуань, это период «предтекста». В поэзии XVIII в. Москва часто изображалась как сердце России и символ русской культуры. Так происходит в «Оде на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича» (1754) М.В. Ломоносова, где автор восхищается величием Москвы, — и эти мотивы становятся семантической основой для формирования образа города в дальнейшем. В конце XVIII и начале XIX вв. появляются легенды о Москве в литературном изложении, которые черпают вдохновение из фольклора и отражают дух народа и мистическую атмосферу, например в «Марьиной роще» (1809) В.А. Жуковского.

В начале XIX в. образ Москвы возникает в литературе формирующегося реализма, неся в себе как уже традиционные черты (к примеру, Пушкин в «Евгении Онегине» (1833) изображает Москву как средоточие русской жизни и уютный дом), так и порожденные современной исторической ситуацией: в грибоедовском «Горе от ума» (1824) город выступает символом консервативного и отсталого общества.

Затем автор монографии обращается к XX столетию. В 1910–1920-х гг. появляются произведения с «московским мотивом» в духе Э.Т.А. Гофмана — такова, например, «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» (1918) А.В. Чаянова, где переплетаются фантастика и реальность. Темная сторона города, его дьявольские черты отражены в сборнике быличек и легенд Е.З. Баранова «Московские легенды» (1928). Внимания заслуживает и книга «Москва и москвичи» (1926) В.А. Гиляровского — своеобразная энциклопедия московских обычаев, фиксирующая культурные особенности и повседневную жизнь города. Однако подлинным началом «московского текста», по мнению Фу Синхуань, можно считать поэтический цикл М.И. Цветаевой «Стихи о Москве» (1916), повесть С.Д. Кржижановского «Штемпель: Москва» (1925) и трилогию А. Белого «Москва» (1926–1932); именно в этих произведениях локальный колорит более ярко выражен. В 1930-е гг. возникает иная версия «московского мифа», представленная такими произведениями, как «Мастер и Маргарита» (1929–1940, опубликован в 1966–1967) М.А. Булгакова и «Счастливая Москва» (1936, опубликован в 1991) А.П. Платонова, в которых Москва превращается в полумифический город, отражающий противоречивую социальную реальность и духовные проблемы советской эпохи.

Представители русской эмиграции первой волны создали свою версию «московского текста», например, в «Улице св. Николая» (1923) и «Москве» (1939) Б.К. Зайцева отразились ностальгические воспоминания о покинутом городе.

В 1950–1990-е гг. «московский текст» развивается в контексте оттепельной литературы: появляются «В круге первом» (1958, опубликован в 1968) А.И. Солженицына и «Дети Арбата» (1983, опубликован в 1987) А.Н. Рыбакова, которые раскрывают сложную роль Москвы в советском социуме. «Постоттепельная» версия представлена «Московскими повестями» Ю.В. Трифонова («Обмен» (1969), «Предварительные итоги» (1970)), в которых изображен духовный кризис и нравственный выбор интеллигенции в обстоятельствах повседневной жизни. В произведении В.В. Ерофеева «Москва — Петушки» (1969, опубликовано в 1973) через символический сюжет показана нравственная деградация Москвы и абсурдность городского бытия. В романе В.Г. Сорокина «Тридцатая любовь Марины» (1984, опубликован в 1995) через судьбы индивидуумов автор размышляет о взаимоотношениях Моск-

2 Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Изд. центр РГГУ, 1998.

вы и мира. В постсоветский период московскую городскую поэтику продолжает развивать В.С. Маканин, раскрывая в романе «Анденграунд, или Герой нашего времени» (1998) одиночество и отчуждение современного человека в большом городе, а В.О. Пелевин в романах «Чапаев и пустота» (1996) и «Generation “П”» (1999) с помощью философских сюжетов показывает духовное лицо Москвы в новом времени.

В 2010–2020-е гг. «московский текст», как полагает Фу Синхуань, изображается как город с «имперскими иллюзиями». Так, в книге «Московские тени» (2009) Р.В. Сенчина описана монотонная, духовно пустая жизнь людей в городе, а в «Легкой голове» (2011) О.А. Славниковой показано, как в городской среде развиваются жестокий индивидуализм и зависимость человека от материальных благ, что приводит его к тотальному одиночеству.

Образ Москвы концептуализируется через систему взаимосвязанных и диалектически противоречивых мифопоэтических архетипов. Здесь фундаментальную роль играет политико-религиозный конструкт «Москва — Третий Рим», имплицитно двойственную миссию преемственности византийской теократии и универсальной имперской парадигмы. При этом, как показывает автор, данная мифологема, претерпев историческую трансформацию, находит воплощение как в эмигрантском дискурсе «утраченного рая» («Чистый понедельник» (1944) И.А. Бунина, «Богомолье» (1931) и «Лето Господне» (1933–1939) И.С. Шмелева, «Юность» (1950) и «Москва» (1939) Б.К. Зайцева), так и в раннесоветской проекции «грядущей утопии» («Москва краснокаменная» (1922) и «Столица в блокноте» (1922–1923) М.А. Булгакова, «Москва от зари до зари» (1928) Е.И. Замятина, «Усомнившийся Макар» (1929) А.П. Платонова и др.). Параллельно данному сакральному измерению в советской и эмигрантской литературе конституируется архетип «Москва — Град Китеж», репрезентирующий очищенную от мирской скверны трансцендентную сущность города, аксиологически противостоящую имманентному падшему миру явленности и персонифицирующую неуничтожимый субстрат национального духа. Так, в «Лете Господнем» И. Шмелева Москва, изображенная через призму детских воспоминаний и строгого ритма церковного календаря, предстает воплощением Святой Руси, чей уклад жизни пронизан и освящен православной традицией и празднично-обрядовым циклом.

Дегradировавший реальный мир, в свою очередь, находит отражение в топосе «Москва — Второй Вавилон», инкорпорирующем символизм бюрократической машинерии, материалистической редукции, нравственной дезинтеграции и коррозионного воздействия культурно чуждых элементов. Этот дискурс исторически функционирует как инструмент критики советского и постсоветского социополитического бытия.

Наконец, пространственно-темпоральная онтология Москвы, с точки зрения Фу Синхуань, интегрирована в масштабные нарративы генезиса и конца времен: мифологема сакрального основания «на семи / двенадцати холмах» неразрывно сплетена с апокалиптическим мифом о «пожаре». Последний порождает дихотомию ультимативных образов: сотериологического «града-Феникса», возрождающегося посредством «креативного разрушения», и танатоцентричного «некрополя» (восприятие Москвы как «некрополя» отсылает к «Философическим письмам» П.Я. Чаадаева) как пространства мертвенно-безмолвного стазиса. Данная система взаимодополняющих и конкурирующих архетипов формирует пространственно-семиотическую матрицу, релевантную для постижения историософской функции Москвы, ее духовной парадигмы и амбивалентного статуса в национально-культурном воображении.

Интересно, что Москва, по наблюдениям Фу Синхуань, приобретает в литературных текстах ярко выраженные женские черты. Еще автор «Евгения Онегина», выражая глубокую эмоциональную связь с Москвой, подчеркивал ее женственность. Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» (1867) прямо обозначает материнскую сущность города, утверждая, что даже иностранец ощутит его «женский характер».

Но наиболее буквально женское начало древней столицы зафиксировал А.П. Платонов, назвав героиню романа «Счастливая Москва» именем Москва Честнова; ее судьба отражает судьбу города. В целом же Москва предстает в русской литературе естественно растущим, немного хаотичным, но уютным и хлебосольным городом, воплощающим именно женские качества — теплоту, эмоциональность, связь с родным домом и естественными гармоничными ритмами жизни.

Третья и четвертая главы посвящены более подробному анализу образов Петербурга и Москвы в произведениях русских писателей (в частности, А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, К.К. Вагинова, А.С. Грибоедова, А. Белого, А.И. Солженицына, Ю.В. Трифонова и др.). Сопоставляя «петербургские» и «московские» тексты, Фу Синхуань отмечает их яркий контраст. Петербург выступает воплощением российской модернизации, он часто наделяется двойственной природой — светлой и в то же время темной, символизируя одновременно процветание и упадок, прогресс и иллюзии. Москва же, скорее, представляет собой переплетение традиций и современности, отражая сложность социальных трансформаций и культурных конфликтов. В совокупности оба этих города в русской литературе оказываются носителями национального духа и культурной идентичности.

В пятой и шестой главах, являющихся, на наш взгляд, одними из самых интересных в книге, анализируются типы персонажей, представленных в петербургском и московском пространствах, и раскрываются их особенности, генеалогия и функции. В петербургском мире Фу Синхуань выделяет в первую очередь героев-мужчин. Их типы весьма разнообразны. Прежде всего, это «маленькие люди». Как правило, это мелкие чиновники, живущие в бедности, часто пытающиеся убеждать от реальности (как господин Голядкин), но при столкновении с начальством и другой властью демонстрирующие сложные психические реакции. Другой важный тип героя «петербургского текста» — представитель молодого поколения. Кто-то из героев мечтает о любви и семейном уюте (Евгений в «Медном всаднике» Пушкина, Пискарев в «Невском проспекте» Гоголя, Вася Шумков в «Слабом сердце» Достоевского), другие стремятся к реализации таланта (Чартков в гоголевском «Портрете»), наконец, третьи просто жаждут богатства и повышения социального статуса (Германн в «Пиковой даме», Поприщин в «Записках сумасшедшего», Аркадий Долгорукий в «Подростке» Достоевского). Однако для всех них, как полагает Фу Синхуань, финансовая независимость и общественное признание выступают верховной жизненной ценностью, синонимичной счастью и полноте бытия, что репрезентирует специфическую парадигму успеха петербургской эпохи.

Что касается женских персонажей, то темную сторону города символизируют образы проституток. Некоторые из них проходят путь падения и искупления, к примеру, Соня (в «Преступлении и наказании») очищается через свою жертву и спасение других. С другой стороны, разрушительную силу Петербурга олицетворяют образы богатых старух, таких как старуха-процентщица в «Преступлении и наказании» и старая графиня в «Пиковой даме». Их злоба и одиночество словно отражают холодную, угнетающую атмосферу города. К сожалению, в этом разделе автор оставляет без анализа положительные женские образы в «петербургском тексте», в частности образ «девы», упоминавшийся в первой главе.

Типология женских образов в «московском тексте» на редкость широка. Во многих произведениях главными героинями становятся молодые девушки, которые часто ассоциируются с образом святой Девы Марии, например Сашенька в повести А.Ф. Вельтмана «Не дом, а игрушечка!» (1850) и Танюша в романе «Сивцев Вражек» (1928) М.А. Осоргина. Эти девушки стремятся в Москве к счастью, но часто сталкиваются со сложным выбором и испытывают внутреннюю борьбу. Важное значение в «московском тексте» приобретает и образ матери, которая олицетворяет мудрость

и справедливость, символизируя Россию-Родину. Так, в стихотворении «Канун Благовещения» (1916) М.И. Цветаевой матери молятся о благополучии своих детей, готовы отдать все ради их счастья. Интересен и образ пожилой женщины-москвички — обычно строгой, но мудрой и доброй, заботящейся о людях вокруг себя и помогающей им. Таковы, например, Марья Дмитриевна из «Войны и мира» и прабабушка Устинья из «Лета Господня». В то же время иногда мы встречаем и зловещих старух (к примеру, главная героиня повести А.А. Погорельского «Лафертовская маковница»).

Что же касается мужских образов, то молодые люди в «московском тексте», как и в петербургском, часто пытаются найти свое место в окружающем мире, но при этом не достигают успеха, страдают от одиночества и боли (например, Услад в «Марьиной роще» В.А. Жуковского или Елецкий в поэме «Цыганка» (1831) Е.А. Баратынского). Однако, что интересно, в отличие от жителей Петербурга они редко пытаются покончить с собой, даже в самых безнадежных ситуациях находя силы для продолжения жизни. Еще один характерный тип — «московский чудак», человек «не от мира сего», который часто не находит общего языка с окружающим миром, обладая индивидуальным мировоззрением и неся оригинальные идеи (Чацкий в «Горе от ума», профессор Колобкин в «Московском чуде» А. Белого, Петрович в романе В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»). Эти персонажи часто являются как жертвами старого времени, так и предвестниками нового. Еще один любопытный образ — «амбициозные люди». Они озабочены исключительно материальными потребностями, стремясь к карьерному росту, поиску выгодного брака, при этом готовы использовать любые средства для достижения своей цели (Молчалин в «Горе от ума» и Климук в «Другой жизни» (1975) Ю.В. Трифонова). Кроме того, Фу Синхуань выделяет «среднего человека». Это герой, чьи моральные ориентиры шатки, он плывет по течению и в конце концов нравственно деградирует (характерный пример — Дмитриев в «Обмене» Ю.В. Трифонова). Следующий намеченный автором тип — «городские бродяги», блуждающие по лабиринту Москвы в поисках истины (Веничка в поэме «Москва — Петушки» В.В. Ерофеева и Никита Иванович в романе «Кысь» (2000) Т.Н. Толстой). Часто это «маленькие люди», одинокие и затерянные в городе. Наконец, абсолютно новый тип персонажей появляется в «московском тексте» в начале XXI в.; это «маленькие люди большого города» — гениальные компьютерщики, торговые агенты и интеллигенты, занимающиеся креативной работой (Роман в «Московских тенях» Р.В. Сенчина). Такие люди живут в быстром ритме мегаполиса, будучи неспособны к глубокой рефлексии и осознанию своего места в сложном культурно-историческом пространстве Москвы.

Седьмая глава посвящена поэтике модерности в ее отношении к петербургскому и московскому «текстам». В XIX в. российское общество переживало переход от аграрной цивилизации к индустриальной, развитие капитализма в России стало расшатывать традиционную патриархальную сельскую культуру, спровоцировав миграцию населения не только в прямом смысле, но и в духовном плане; Москва и Петербург стали ориентирами процесса модернизации. Фу Синхуань обращает внимание на «петербургскую трилогию» И.А. Гончарова, раскрывающую конфликт стилей жизни и ценностей в период трансформации России: здесь «сельской утопии» противопоставлен «городской кошмар». Москва же в XIX столетии колеблется между статусом «второй столицы» и «провинции».

В XX–XXI вв. акценты на литературной карте смещаются от провинции к мегаполисам. С установлением советской власти и переносом столицы в Москву в 1918 г. утопический идеал деревни в русской литературе постепенно отходит на периферию, на первый план выходят произведения о городе (любопытно отметить, что, хотя тема деревни возрождается в деревенской прозе второй половины XX в., Фу Синхуань фактически оставляет ее без внимания). Большевики, создавая Москву как «образ-

цовый коммунистический город», наделили ее аурой «красной утопии», что привлекло в столицу множество выходцев из провинциальной России (такова, к примеру, судьба Москвы Честновой в «Счастливой Москве» А. Платонова). Однако суровые реалии жизни (например, жилищный кризис) привели к «дистопизации» ее образа в литературе. Петербургу-Ленинграду же был уготован удел «провинции» или даже «культурного анклава», в рамках которого развивалась уникальная неформальная богемная идентичность. «Ленинградский текст» этого периода сосредоточен на культурной травме и проникнут ностальгическими настроениями.

В постсоветскую эпоху сквозной линией обоих «текстов» (московского и петербургского) остается художественное исследование ключевых аспектов российской модернизации: миграции, культурной памяти, тревог идентичности и поисков духовной укорененности. Особое внимание Фу Синхуань уделяет «московскому тексту» начала XXI в. В это время финансовые и деловые центры (такие, как «Москва-Сити») с их постмодернистским ландшафтом трансформировали облик города, наделив его «имперским ореолом» (подобным тому, что окружал Петербург в XIX столетии) и превратив в притягательный международный мегаполис. Литературные произведения этого периода («Легкая голова» О.А. Славниковой, «Несчастливая Москва» (2017) Е.И. Некрасовой, «Московские тени» Р.В. Сенчина и др.) раскрывают глубинные противоречия жизни в российском мегаполисе в условиях глобализации, акцентируя внимание на новых социокультурных феноменах: разнообразных соблазнах большого города, чувстве социальной разобщенности и экзистенциальной пустоты, утрате идентичности, плене виртуальной среды, бегстве из мегаполиса в поисках духовной опоры.

Отдельно автор рассматривает травелогии, фиксирующие перемещение персонажей из одной российской столицы в другую. Подобная структура характерна, к примеру, для «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева и «Путешествия из Москвы в Петербург» (1835) Пушкина. В романе Достоевского «Подрасток» (1875) главный герой переживает «телесное странствование» из Москвы в Петербург и «духовное странствование» обратно в Москву, что символизирует его потерянность и попытку возрождения. Так или иначе, по мнению Фу Синхуань, путешествие отражает прежде всего процесс обретения героями духовной родины. Вторая половина XX в. приносит дополнительные смысловые оттенки в структуру травелога; его герой становится не только «странником русской земли», но и «кочевым беженцем» в постмодерном обществе (таков, к примеру, Веничка в поэме «Москва — Петушки» В.В. Ерофеева).

В заключение хочется отметить, что автор, по сути, впервые выделяет московский и петербургский «тексты» как две взаимозависимые и взаимодополняющие текстовые системы, находящиеся в постоянном противостоянии и диалоге, имеющем принципиально важное значение для углубления русского национального самосознания и формирования отечественной культуры.

«Московский» и «петербургский» тексты русской литературы формируют своеобразную карту российской модерности, отражающую ключевые аспекты исторической и социокультурной трансформации России, особенно в ее городском измерении, выступают как важнейшие носители коллективной памяти, запечатлевшие сложность и противоречивость российской истории. Кроме того, намеченный путь может оказаться весьма продуктивным как модель для исследований различных локальных текстов в мировой литературе, а также для исследований городской литературы в контексте взаимодействия национальной и международной литератур³.

3 Рецензия написана при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая (проект № 25СҮҮ039) и фонда фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242025S30052).